

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.17223/15617793/517/6

Поэтика воплощения образа простого человека в «малой прозе» Л.Н. Толстого и Д.В. Григоровича: лингвостилистический аспект

Дмитрий Анатольевич Романов¹, Мария Александровна Кучерова²

^{1,2} Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия

¹ kafrus@rambler.ru

² merismus@mail.ru

Аннотация. Исследуются лингвопоэтические и стилистические подходы Л.Н. Толстого и Д.В. Григоровича к воплощению образа крестьянина. Основное внимание уделяется анализу лексико-семантических, синтаксических и стилистических средств, используемых авторами для воплощения социальных и нравственных характеристик персонажей. Установлено, что Толстой и Григорович, несмотря на различия в творческих подходах, используют сходные лингвостилистические приемы (лексические повторы, антонимические конструкции, оценочную лексику) для акцентуации нравственных качеств простого человека.

Ключевые слова: художественный текст, поэтика, «малая проза», Л.Н. Толстой, Д.В. Григорович, нравственные категории, лексическая семантика, реализм, художественный образ

Источник финансирования: исследование выполнено в ТГПУ им. Л.Н. Толстого за счет средств гранта Правительства Тульской области (проект ««Малая проза» Л.Н. Толстого начала XX века: язык и стиль»; ДС/160).

Для цитирования: Романов Д.А., Кучерова М.А. Поэтика воплощения образа простого человека в «малой прозе» Л.Н. Толстого и Д.В. Григоровича: лингвостилистический аспект // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 62–68. doi: 10.17223/15617793/517/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/6

The poetics of embodying the image of the common man in Leo Tolstoy's and Dmitry Grigorovich's "short prose": A linguo-stylistic aspect

Dmitry A. Romanov¹, Maria A. Kucherova²

^{1,2} Tolstoy Tula State Pedagogical University, Tula, Russian Federation

¹ kafrus@rambler.ru

² merismus@mail.ru

Abstract. This article investigates the linguo-poetic and stylistic approaches employed by Leo Tolstoy and Dmitry Grigorovich in embodying the material and social world of their literary works, particularly concerning the image of the peasant. The analysis is conducted on the understudied yet highly illustrative corpus of their "short prose," a genre that provides detailed insight not only into the realities of a specific historical epoch but also into the specifics of each author's worldview and its linguistic interpretation. Using general philological and linguistic textual methodologies, the study determines the expressive and evaluative potential of the linguistic variants (primarily lexical and syntactic) used by Grigorovich and Tolstoy to detail their portrayal of the common man. A contrast is traced between the laboring people and the high society that reaps the fruits of this labor. For Grigorovich, as one of the founders of the "Natural School," this is done with utmost clarity, whereas in the stories of Tolstoy from the 1900s–1910s, the emphasis shifts from differences between social groups to those qualities which, regardless of social standing, are capable of uniting the Russian people. One characteristic of the common man is his perception of himself as part of a larger whole, as evidenced by the peasants' traditional use of the pronoun "we" for self-identification (see examples in Tolstoy's story "Conversation with a Passerby"). This same characteristic is often incorporated into the structure of the common man's image in the artistic world of Grigorovich's works as well. Representatives of the nobility are portrayed by both authors as being somewhat "isolated" from one another. The paucity of forms of communicative contact and their indifference to the lives of others attest to the absence of a unified world within high society. Both writers assert that the common man inherently prioritizes the spiritual over the material. In "Conversation with a Passerby," the literary portrait plays a significant role in embodying this idea. A readiness for selfless mutual aid is observed in the heroes of many works by the aforementioned authors (e.g., Olgushka in Tolstoy's "Berries," Vasilisa and Alexei in Grigorovich's "The Passerby"). Tolstoy's story "The Strength of Childhood," completed in 1908, is particularly indicative in this regard. A child's compassion compels an angry mob to instantly forgive a man towards whom everyone initially felt hatred. One notable ideological and compositional feature of the story is the conscious downplaying of the opposition between

the people and the authorities. A lexical analysis of the descriptions of the policeman's emotional state reveals a semantic contrast used by the author to characterize the transformation that occurs within the character.

Keywords: literary text, poetics, late prose by Leo Tolstoy, Dmitry Grigorovich, moral categories, lexical semantics, realism, literary image

Financial support: The research was carried out at the Tolstoy State Pedagogical University at the expense of a grant from the Government of the Tula region (the project "Small Prose" by Leo Tolstoy at the beginning of the 20th century: Language and Style"; DS/160).

For citation: Romanov, D.A. & Kucheroва, M.A. (2025) The poetics of embodying the image of the common man in Leo Tolstoy's and Dmitry Grigorovich's "short prose": A linguo-stylistic aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 62–68. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/6

Введение

Как известно, одной из ключевых задач, которые ставила перед собой реалистическая литература в целом и литература второй половины XIX – начала XX в. в частности, являлось достоверное воспроизведение реальности, в том числе «отображение человеческой личности в ее многообразных отношениях к действительности» [1. С. 19]. В связи с этим центральным звеном поэтики художественных произведений названного периода, как правило, становились образы представителей различных социальных сословий, в частности взаимоотношения между помещиком и крестьянином. И в творчестве Д.В. Григорovichа, и в творчестве Л.Н. Толстого обнаруживается особый интерес к изображению простого человека, который нередко становится выразителем общечеловеческих ценностей, составляющих основу русской ментальности, актуализация которой видится особенно важной в том числе в современных политических условиях, когда российская национальная идентичность как совокупность социальных норм, моделей поведения, нравственных ориентиров оказалась в критическом состоянии. Для обоих авторов этот образ является одним из центральных, над которым они работали не одно десятилетие. В творчестве Толстого он исследован достаточно подробно, в творчестве Григорovichа – далеко не полностью. Однако сопоставительный аспект предложен в данной работе впервые и содержит элементы научной новизны уже самой постановкой проблемы. Кроме того, особо подчеркивается, что оба писателя поднимают нехарактерный зрелому критическому реализму XIX в. вопрос о духовно-нравственных и религиозных исканиях простого человека, представляя его в своеобразных формах авторского идиостиля. Целью данной работы является определение ключевых лингвостилистических приемов, используемых Григорovichем и Толстым для воссоздания в индивидуальной творческой манере образа простого человека именно как носителя высших духовных идеалов русского народа.

Материалы и методы

В качестве литературного материала для лингвостилистического анализа привлекаются следующие произведения, традиционно относимые к жанру «малой прозы»: «Прохожий» (1854), «Пахатник и бархатник» (1857) Д.В. Григорovichа и «Ягоды» (1905), «Сила

детства» (1908), «Разговор с прохожим» (1909) Л.Н. Толстого.

В методологической основе работы лежит лингвостилистический анализ, который представляет собой комплексный подход к изучению языковых средств художественного текста (преимущественно лексических, синтаксических и собственно стилистических – выразительных) с учетом их эстетической и смысловой нагрузки. Метод лингвостилистического анализа позволяет выявить взаимосвязь между формой и содержанием произведения, раскрывая авторский замысел через анализ 1) лексики (определение ключевых слов и их коннотаций, анализ оценочной лексики и авторских неологизмов), 2) синтаксических средств языка (рассмотрение структурных особенностей предложений, инфинитивных и парцелированных конструкций) и 3) стилистических приемов (выявление тропов (метонимия, оксюморон, сравнение), фигур речи (градация, антитеза) и интерпретация их роли в создании образа простого человека). По справедливому замечанию А.А. Липгарта, именно лингвостилистикой «был разработан метод трехуровневого анализа текста, позволивший... последовательно и с максимальной степенью полноты подойти к проблеме понимания идейно-художественного содержания» [2. С. 48]. Важным дополнением к аспектам трехуровневого анализа литературного текста является, с нашей точки зрения, установка на целостность его идейного и эмоционального представления, на «показ тех лингвистических средств, с помощью которых выражается смысловое и связанное с ним эмоциональное содержание литературного произведения» [3. С. 97]. Таким образом, цель лингвостилистического анализа (в том числе и в настоящей работе) – это комплексная идейно-эмоциональная интерпретация языковых средств трех обозначенных выше уровней.

Необходимо также заметить, что, согласно общепринятой идее В.В. Виноградова, художественное произведение «должно изучаться, с одной стороны, как процесс воплощения и становления конкретного идейно-творческого замысла автора и с другой – как исторический факт...» [4. С. 170–171].

В связи с этим реализация сопоставительного аспекта при трехуровневом анализе требует обращения к специфике идиостилистических показателей, сложившихся в творчестве обоих писателей и являющихся их своеобразным «лингвостилистическим паспортом».

Результаты

Творчество Д.В. Григоровича как одного из родоначальников «натуральной школы» развивалось в контексте широкой дискуссии о проблемах крепостного права и крестьянской жизни. Григорович, активно развивая жанр физиологического очерка, целью которого было прежде всего изображение человека как «носителя определённых групповых, коллективных нравственных качеств» [5. С. 15], стремился показать крестьянство как жертву крепостнических отношений и при этом «выявлять нравственное достоинство простого человека, отыскивать богатые задатки, тающиеся в русском характере» [6. С. 48]. В его произведениях вопросы социального неравенства ставятся особенно остро, и, соответственно, контраст между трудящимся народом и высшим обществом, бездумно и легкомысленно пожинающим плоды крестьянского труда, прослеживается с предельной отчетливостью. Такова, например, композиционная организация повести «Пахатник и бархатник», состоящей из двух глав: первая глава посвящена детальному изображению уклада жизни простого человека (его тяжелого труда), во второй же главе повествуется о том, какой образ жизни ведут светские люди, имеющие власть над крестьянами и способные изменять судьбы целых крестьянских семей.

Уже на первых страницах повести изображается трудовой день крестьян, которые, несмотря на удушливый зной и жажду, занимаются тяжелой работой: «...всюду над морем колосьев мелькали, то опускаясь, то поднимаясь, белые рубашки баб; перегнув в три погибели спину, прикрытую мокрой сорочкой, они вязали снопы; мужья их, отцы и братья выступали между тем один за другим, звонко размахивая косами» (здесь и далее в цитатах выделено курсивом нами. – Д.Р., М.К.) [7. С. 231]. Автор выводит на передний план изображения одного из крестьян, Карпа, чтобы на примере конкретного образа продемонстрировать сущностные черты человека из народа, состоящие преимущественно в **трудолюбии** и **мастеровитости** («Карп не осиливал только с избою; все остальное, что зависело от его рук и средств, смотрело как нельзя пригляднее и обличало домовитого, деятельного хозяина» [7. С. 243]), **ответственности** и **порядочности** («Карп лет уже семь освобожден был, за старостью, от всякой работы: он постоянно, однакож, ходил в поле и исполнял все мирские и господские повинности» [7. С. 244]) (здесь и далее в цитатах выделено полужирным курсивом нами. – Д.Р., М.К.). Вместе с тем частям повести, которые посвящены изображению бытового уклада крестьян, свойственна определенная степень обобщенности: сталкиваясь с трудностями, каждый отдельный человек выступает как часть общества (крестьянского мира), готового к совместному поиску решений общих проблем, одной из которых становится уплата оброка.

Во второй главе, значительно уступающей по объему первой, однако не менее детальной в социальных подробностях, повествуется о богатых людях, представленных как легковесные кутилы («Кто усаживался, укладывая удобно ноги на соседнее кресло, кто попросту разваливался на кушетке против пылающего камина, кто расхаживал взад и вперед, пуская

кверху дым...» [7. С. 285]), думающие только о развлечениях, безупречности внешнего облика, сословной репутации и не имеющие истинного представления о тяжелой работе («...во всей фигуре его [Слободского], начиная с маленьких, красивых ушей и кончая белой, нежной кистью руки, было что-то женственное, изнеженное. Он казался усталым, хотя всего час назад вышел из постели...» [7. С. 285]). Этим людям чужды трудности, связанные с материальным обеспечением семейства, что специально акцентируется Григоровичем, когда, к примеру, характеризуются подарки, подносимые поклонниками театральной актрисе: «...к ногам ее упала целая дюжина букетов, брошенных из знакомой литературной ложи; в числе букетов особенно бросались в глаза два из белых камелий, стоившие пятьдесят рублей, – кто знает, может быть те самые пятьдесят рублей, добытые которых произвело...целую драму в семействе старого Карпа...» [7. С. 304].

Само название повести «Пахатник и бархатник» содержит две антропонимические характеристики с обобщающей семантикой, которые приобретают в идейном плане контекстуальную антонимичность. Лексема *пахатник* в значении ‘пахарь, земледелец, труженик’ известна русскому языку со средних веков [8. С. 178]; первые зафиксированные её употребления относятся к XVI в. Слово *бархатник* – авторский неологизм Григоровича, созданный по активной в языке словообразовательной модели и задействующий популярную во второй половине XIX в. производящую основу *бархат* (тогда же возникли слова *бархатность*, *бархатно*, *бархатистый* и т.п.) [9. С. 400–401]. Д.В. Григорович придал существовавшему семантику ‘изнеженный бездельник’. Антонимия подчеркивается и средством связи слов в заглавии повести: союз *и* в данном случае «обозначает противопоставление, часто эксплуатируемое литературой» [10. С. 234]). Название произведения указывает на антитетический характер образов человека трудящегося и человека, пожинающего плоды крестьянского труда.

В рассказе Л.Н. Толстого «Ягоды» представлена сходная коллизия, имеющая, в отличие от повести Д.В. Григоровича, обратный порядок расположения главных композиционных частей. Несмотря на то что текст рассказа не имеет поглавного членения, в его построении отчетливо прослеживаются две сюжетные линии, точкой соприкосновения которых становятся собранные ягоды. Открывает его линия представителей светской аристократии, которая связана с легкомысленным и неблагодарным поглощением плодов чужого труда («Они пообедали в саду обедом из пяти кушаний, но от жару почти ничего не ели, так что труды... повара и его помощников, особенно усердно работавших для гостя, пропали почти даром» [11. С. 218]). Вводимая следом сюжетная линия раскрывает, сколько усилий было приложено селянами для сбора урожая.

Характеризуя деятельность крестьян, Толстой использует ряды однородных сказуемых, выраженных интенсивными глаголами лексико-семантической группы «Труд»: «Крестьяне **доделявают** постройки, **возят** навоз... Ребята **стерегут** лошадей по дорогам и обрезают. Бабы **таскают** из леса мешки травы, девки

и девочки вперегонку друг с другом... **собирают** ягоды и **носят** подавать дачникам» [11. С. 217]. Подчеркивая контраст между сословиями, в рассказ о помещиках Толстой также включает ряд однородных членов, однако представленных глаголами с противоположной, экстенсивной семантикой лексической группы «Отдых»: «*Дачники, в разукрашенных, архитектурно вычурных домиках, лениво гуляют под зонтиками, в легких, чистых, дорожных одеждах по усыпанным песком дорожкам или сидят в тени деревьев, беседок, у крашенных столиков и, томясь от жары, пьют чай или прохладительные напитки*» [11. С. 217].

Немаловажной характеристикой простого человека в творческом наследии Д.В. Григоровича и Л.Н. Толстого становится восприятие им себя как части целого народа. Показательно в этом отношении традиционное для крестьян употребление местоимения *мы* в качестве самоидентификатора: «...**мы** *нездеиные... Калуцкие мы*» [12. С. 306] (рассказ «Разговор с прохожим»). Далее в этом рассказе прохожий подчеркивает свою принадлежность ко всему трудящемуся народу, о чем говорит с гордостью: «*Одного русского человека почти никогда нет... А то семья – мы, артель – мы, общество – мы*» [12. С. 306].

Восприятие себя как части целого нередко включается в структуру образа простого человека и в художественном мире произведений Д.В. Григоровича. Можно вспомнить, например, рассказ «Прохожий», в котором попавший в непогоду умирающий человек находит приют у бедной пожилой женщины Василисы и ее сына Алексея. Он благодарит их следующими словами: «...*ты и парень твой... не отогнали меня... пустили как родного... чую – смерть пришла... спасибо вам... ох... не дали помереть на улице... будьте же до конца родными мне...*» [13. С. 49]. Обращает на себя внимание субстантив *родной* (*родные*), обладающий высокой степенью мелиоративности. Эту форму прохожий использует применительно к незнакомым ему людям, проявившим участие к его судьбе, подчеркивая тем самым то человеческое, что сближает и объединяет людей. Стоит заметить, что именно контраст между безучастностью и отзывчивостью ложится в основу идейного содержания рассказа.

В свою очередь, представители дворянства показаны как бы «изолированными» друг от друга: несмотря на то что они общаются, ведут оживленные беседы и полемику, участвуют в совместных выездах в театры, на прогулки, в музеи, каждый из них, оставаясь равнодушным к судьбе ближнего, предстает как одинокий человек. Д.В. Григорович в повести «Пахатник и бархатник» наглядно показывает разобщенность высшего общества, давая князю Слободскому следующую характеристику: «...*в голосе его и во взглядах проглядывало однокож полнейшее равнодушие, если не всегда к предмету беседы, то всегда почти к собеседнику*» [7. С. 285]). И в целом повседневные занятия гостей князя Григорович изображает как последовательность действий, не предполагающих межличностное взаимодействие: «...*посетители... являлись, впрочем, минут только на пять; спешно выкулив папиросу,*

повертевшись перед камином, они так же скоро исчезали» [7. С. 285]). Скудость форм коммуникативного соприкосновения и безучастность к чужой жизни свидетельствуют об отсутствии в высшем свете единого мира, который обнаруживается в крестьянском обществе.

В обоих произведениях («Разговор с прохожим» и «Прохожий») авторы не наделяют героя-прохожего именем собственным. В рассказе Григоровича прохожий остается единственным безымянным персонажем, несмотря на то, что является центральным лицом повествования. Принципиальным отсутствием антропонима в данном случае достигается эффект точки зрения «представителя общества в целом», русского мира, что и закреплено в названии произведений. И в рассказе Толстого, и в рассказе Григоровича в образе одинокого прохожего воплощаются черты, которые, по мнению авторов, свойственны русскому народу вообще.

Одной из таких черт становится предпочтение духовного материальному, которое обязательно, по мнению обоих писателей, свойственно простому человеку.

В «Разговоре с прохожим» большую роль при воплощении этой идеи играет портрет. Рассказчик, описывая рабочего, отмечает, что лицо его «добродушно-шутливое, бойкое, краснобайное», становится «внимательным, серьезным», как только тема беседы переключается на моральный выбор, в чем проявляется сосредоточенность простого человека на действительно значимых для него вопросах. Более того, когда рабочий осознает правоту рассказчика, утверждающего, что «*о душе подумаешь и все глупости оставишь*» [12. С. 307], его лицо становится «*еще добрее и серьезнее*». Он не спорит со старичком, не сердится за попытку назидания, а напротив, искренне благодарит его и радуется тому, что рассказчик помог ему прийти к осознанию определенных истин относительно ценностных установок и приоритетов личности.

Повествование Толстой завершает риторическим вопросом рассказчика, покинувшего рабочего «с умиленным чувством»: «*Да как же не радоваться, живя среди такого народа, как же не ждать всего самого прекрасного от такого народа?*» [12. С. 307]. Обратим внимание, что риторический вопрос состоит из двух синтаксически параллельных конструкций, одна из которых выражает чувство повествователя в настоящем, а другая транслирует надежду, веру в русский народ, устремленную в будущее, подкрепленную, казалось бы, лишь непродолжительным разговором с одним из представителей русского народа.

Вера в другого человека характерна и для персонажей произведений Д.В. Григоровича. Так, например, его прохожий, герой одноименного рассказа, заблудившись в метели, настолько отчаялся быть спасенным, что «*медленно опустился в сугроб и трепетною рукою сотворил крестное знамение*» [13. С. 8]. Примечательно здесь упоминание христианского литургического жеста, традиционно интерпретирующегося как символ единения верующего человека с Богом. Крестное знамение, совершаемое прохожим, демонстрирует его безоговорочное смирение, принятие своей трагической судьбы как Божьей воли. Однако,

когда прохожий услышал лай собаки, свидетельствовавший о близости какого-то жилья, *«застывшее сердце старика встrepенулось; он рванулся вперед, простер руки и пошел на слух... и вскоре из-за угла мелькнули перед ним приветливые огоньки избышек»* [13. С. 8–9]. Как видно из приведенного фрагмента, даже надежда на близость другого человека действует на прохожего так сильно, что, уже приготовившись умирать, он оказывается способным найти в себе силы, чтобы продолжить путь. Обращает на себя внимание и мелиоративный эпитет в словосочетании *приветливые огоньки избышек*, выражающий отношение прохожего к жителям деревни, которых он не знает, однако безоговорочно веря в человеческое добросердечие, уже оценивает положительно.

Такие характеристики-слагаемые образа простого человека в текстах Л.Н. Толстого и Д.В. Григоровича, как приведенные выше участие в судьбе ближнего и сострадание, являются, по мнению А.Е. Варнаевой, «специфически русской чертой» [14. С. 199].

Готовность к бескорыстной взаимопомощи наблюдается у героев многих произведений названных авторов. Так, к примеру, в рассказе Толстого «Ягоды» крестьянская девочка Ольгушка, вышедшая собирать урожай, *«вскочила и пошла с Грушкой искать»* заплутавшего в лесу сына Акулины, *«не переставая звонкими голосами кликая Мишку»* [11. С. 225]. Таковыми являются и Василиса и Алексей в рассказе Григоровича «Прохожий», приютившие у себя прохожего (*«...ведь не убудет у нас... к тому же не помирять ему взаимную правду на улице...»* [13. С. 45]) и накормившие его ужином (*«...разунься, да подь к столу, я чай, с пути-то поспедасть хочешь... – и, не дожидаясь ответа, она [Василиса] придвинула к столу лучину и начала хлопотать подле горшков»* [13. С. 46]). Обратим внимание, что и в том и в другом произведении герои оказывают поддержку ближнему, не задумываясь, воспринимая такое проявление человечности как само собой разумеющееся.

Показателен в отношении проявления участия к чужой судьбе и рассказ Толстого «Сила детства», оконченный в 1908 г. Главным героем здесь является шестилетний мальчик, чистота и искренняя любовь к отцу, наивность и вера в людей которого пробуждают отклик в крестьянах, ведущих на расправу городского. Сострадательность ребенка заставляет разгневанную толпу в одночасье простить человека, к которому изначально все испытывают ненависть настолько сильную, что готовы «тут и застрелить негодяя».

Примечательна в этом отношении динамика эмоционального фона рассказа, которая эксплицируется благодаря использованию Толстым характерного для его творчества приема психологизма. В отличие от Д.В. Григоровича, Толстой изображает не противостояние между представителями социальных классов, а диалектику души человека, поставленного в ситуацию морального выбора, в которой может оказаться не только крестьянин, но и помещик, дворянин, держатель власти (городовой в рассказе «Сила детства»). Так, эмоциональный фон анализируемого произведения однозначно негативен в стремительной завязке

произведения, о чем свидетельствуют речевые высказывания (выкрики), которыми народ сопровождает городского на «казнь». Рассказ начинается со следующих слов: *«Убить!.. Застрелить!.. Сейчас застрелить мерзавца!.. Убить!.. Горло перерезать убийце!.. Убить, убить!»* [15. С. 302], оформленных как ряд повторяющихся инфинитивных предложений, семантическое наполнение которых не предполагает пощады, чем подчеркивается безусловность, беспелляционная решимость толпы. Однако настроение крестьян резко изменяется, когда они становятся свидетелями проявления любви ребенка к отцу и отца к ребенку. Мальчик, «всхлипывая» от отчаяния и страха за жизнь пленника – своего отца, бесстрашно «втискивается в толпу» и, более того, пытается вызвать к ней (*«Что вы с батей хотите делать?»* [15. С. 303]). Ребенок отказывается покидать место происхождения без родного человека, находящегося в опасности: *«Без тебя не пойду... Они прибудут тебя...»* [15. С. 303]. Плененный отец, в свою очередь, также проявляет искреннюю заботу о сыне, он находит в себе силы просить самих «судей» о помощи, веря в их милосердие по отношению к невинному ребенку и не заботясь о собственной судьбе: *«Послушайте, – сказал он, – убивайте меня, как и где хотите, но только не при нем, – он показал на мальчика. – Развяжите меня на две минуты и держите за руку, а я скажу ему, что мы с вами гуляем, что вы мне приятель, и он уйдет. А тогда... тогда убивайте, как хотите...»* [15. С. 304]. И его вера полностью оправдывается: предводитель толпы действительно проявляет великодушные и к чувствам ребенка, и к чувствам отца.

Именно эта сцена, демонстрирующая «диалог сердец» отца и сына и составляющая кульминацию рассказа, оказывает сильнейшее воздействие на чувства крестьянской массы, заставляет посмотреть на пленника не как на врага, а как на человека, способного любить и заботиться о близких. Развязка произведения, в которой читатель наблюдает пробуждение в ожесточенных людях человеческих чувств, происходит стремительно и оформлена всего тремя репликами:

«– А знаете что. Пустить бы его.»

– И то, бог с ним, – сказал ещё кто-то. – Отпустить.»

– Отпустить, отпустить! – загремела толпа...» [15. С. 304]

Одной из примечательных идейно-композиционных особенностей рассказа Л.Н. Толстого «Сила детства» является сознательное нивелирование противопоставления народа и власти. Когда помилованный городской осознает величие народного духа, он, прежде проявлявший исключительное презрение к толпе, теперь испытывает стыд за свое предубеждение относительно этих людей: *«И гордый, безжалостный человек, за минуту ненавидевший толпу, зарыдал, закрыл лицо руками и, как виноватый, выбежал из толпы, и никто не остановил его...»* [15. С. 304]. Здесь особенно важен семантический контраст, который используется автором для характеристики произошедшей в герое перемены. Этот контраст выражен в противопоставлении лексем: *гордый – виноватый; безжалостный – зарыдал*. Заострение подобного противопоставления

наглядно демонстрирует одну из идей анализируемого произведения – способность людей к исправлению, дающую возможность единения всех сословий русского народа.

Обсуждение результатов

Изображая простой народ в произведениях малой эпической формы, Л.Н. Толстой и Д.В. Григорович в реалистических формах репрезентируют уклад жизни, деятельность, ценностные установки героев. В творчестве Григоровича нередко образы героев более высоких социальных сословий (мещанин Федот, грустящий над бедностью крестьянина Карпа в повести «Пахатник и бархатник», староста и старостиха в рассказе «Прохожий», прогнавшие нуждающегося в помощи) оказываются резко противопоставленными образам крестьян. Писатель подчеркивает страдания и лишения крестьянина, изображая его жизнь полной тяжелого труда и социальной несправедливости. Так, Григорович стремится к реалистичности, акцентируя внимание на внешних обстоятельствах, которые разрушают индивидуальность простых людей, лишают их голоса, что является характерным для произведений «натуральной школы». В противоположность этому Л.Н. Толстой делает акцент на внутреннем мире человека, представляя его прежде всего как носителя высокой нравственности и духовной силы. Простой человек у Толстого не только и не столько страдает, сколько восстает против обстоятельств, демонстрируя стойкость духа и готовность к борьбе.

Такое различие в восприятии человеческих взаимоотношений отражает не только идиостилистические особенности обоих писателей, но и различные художественные традиции, которые они представляют. Григорович, борясь с социальной несправедливостью, глубоко погружается в социальный контекст, в связи с чем

заостряет контраст между представителями разных сословий, выводя на передний план положительные качества крестьян как класса. Толстой, в свою очередь, привносит в социально ориентированную «малую прозу» второй половины XIX в. элементы психологизма, размышления на нравственные темы, приближая реалистические произведения подобного типа к жанру психологического рассказа. Писатель стремится показать, как именно простые люди могут проявлять духовную силу, и тем самым снимает ортодоксальное понимание крестьянства как угнетенного класса, ставя акцент прежде всего на общечеловеческие идеалы, объединяющие русский народ. В этом отношении Толстой, с одной стороны, выступает как новатор, воплощающий универсальные идеи в новых, более лаконичных формах [16. С. 7], с другой стороны, избегая излишней типизации, последовательно продолжает традиции русской классической литературы, стремящейся к трансляции вечных человеческих ценностей.

Заключение

Несмотря на различные творческие манеры, почти полувекую разницу в социально-культурной ситуации, в контексте которой создавались анализируемые произведения, ключевым аспектом, в котором стили изображения Григоровичем и Толстым русского народа сближаются, остаются базовые общечеловеческие идеалы. Простой человек в произведениях обоих писателей наделен не только трудолюбием, ответственностью, организованностью (как это было показано реалистами 40–50-х гг. XIX в.), но и высшими нравственными чертами, составляющими опору русской ментальности: человеколюбием, отзывчивостью и духовностью. Моральные ценности представляют собой, по мнению Толстого и Григоровича, главные черты русского мира – уникального явления в истории цивилизации.

Список источников

1. Севостьянов Д.А. Реализм в искусстве: анализ явления // Культурное наследие России. 2024. № 4 (47). С. 19–24.
2. Липгарт А.А. Лингвопоэтика и лингвостилистика // Основы лингвопоэтики. М.: Книжный дом «Либроком», 2021. С. 35–74.
3. Шерба Л.В. Опыт лингвистического толкования стихотворений. II. «Сосна» Лермонтова в сравнении с её немецким прототипом // Избранные работы по русскому языку. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1957. С. 97–109.
4. Виноградов В.В. О языке художественной литературы // Виноградов В.В. Избранные труды. Язык художественной литературы. М.: Наука, 1991. С. 170–171.
5. Гусева Е.А. Становление и развитие физиологического очерка в русской литературе // Вопросы русской литературы. 2012. № 20 (77). С. 14–16.
6. Филимонова Н.Ю. Н.С. Лесков и его предшественники (аспекты сопоставительного изучения народной темы) // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2022. Т. 2, № 2. С. 46–55.
7. Григорович Д.В. Пахатник и бархатник // Полное собрание сочинений: в 12 т. 3-е изд. СПб.: Изд-во А.Ф. Маркса, 1896. Т. 8. С. 230–309.
8. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 14. М.: Наука, 1988. 315 с.
9. Большой академический словарь русского языка. Т. 1. М.; СПб.: Наука, 2004. 661 с.
10. Шкловский В.Б. О статье Романа Якобсона «Поэзия грамматики и грамматика поэзии». Новые следы // Тетива. О несходстве сходного. М.: Сов. писатель, 1970. С. 233–238.
11. Толстой Л.Н. Ягоды // Собрание сочинений: в 22 т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 14. С. 217–227.
12. Толстой Л.Н. Разговор с прохожим // Собрание сочинений: в 22 т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 14. С. 306–307.
13. Григорович Д.В. Прохожий // Полное собрание сочинений: в 12 т. 3-е изд. СПб.: Изд-во А.Ф. Маркса, 1896. Т. 7. С. 5–54.
14. Варнаева А.Е. Русский язык о духовно-нравственных ценностях своего народа // Вестник экономической безопасности. 2023. № 4. С. 197–201.
15. Толстой Л.Н. Сила детства // Собрание сочинений: в 22 т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 14. С. 302–304.
16. Кочешкова Л.Е. Художественная философия и поэтика «малой» прозы Л.Н. Толстого в свете проблемы целостности (от повести «Казак» к рассказу «Алеша Горшок»): автореф. ... дис. канд. филол. наук. СПб., 2005. 24 с.

References

1. Sevost'yanov, D.A. (2024) Realizm v iskusstve: analiz yavleniya [Realism in art: an analysis of the phenomenon]. *Kul'turnoe nasledie Rossii*. 4 (47). pp. 19–24.
2. Lipgart, A.A. (2021) *Osnovy lingvopoetiki* [Fundamentals of Lingvopoetics]. Moscow: Knizhnyy dom "Librokom". pp. 35–74.
3. Shcherba, L.V. (1957) *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected Works on the Russian Language]. Moscow: Gos. ucheb.-ped. izd-vo M-va prosveshcheniya RSFSR. pp. 97–109.
4. Vinogradov, V.V. (1991) *Izbrannye trudy. Yazyk khudozhestvennoy literatury* [Selected Works. The Language of Fiction]. Moscow: Nauka. pp. 170–171.
5. Guseva, E.A. (2012) Stanovlenie i razvitie fiziologicheskogo ocherka v russkoy literature [Formation and development of the physiological essay in Russian literature]. *Voprosy russkoy literatury*. 20 (77). pp. 14–16.
6. Filimonova, N.Yu. (2022) N.S. Leskov i ego predshestvenniki (aspekty sopostavitel'nogo izucheniya narodnoy temy) [N.S. Leskov and his predecessors (aspects of a comparative study of the folk theme)]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*. 2 (2). pp. 46–55.
7. Grigorovich, D.V. (1896) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 3rd ed. Vol. 8. Saint Petersburg: Izd-vo A.F. Marksa. pp. 230–309.
8. Barkhudarov, S.G. (1988) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Vol. 14. Moscow: Nauka.
9. Balakhonova, L.I. (ed.) (2004) *Bol'shoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Large Academic Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow; Saint Petersburg: Nauka.
10. Shklovskiy, V.B. (1970) *Tetiva. O neskhodstve skhodnogo* [Bowstring. On the Dissimilarity of the Similar]. Moscow: Sovetskiiy pisatel'. pp. 233–238.
11. Tolstoy, L.N. (1983) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 14. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 217–227.
12. Tolstoy, L.N. (1983) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 14. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 306–307.
13. Grigorovich, D.V. (1896) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 3rd ed. Vol. 7. Saint Petersburg: Izd-vo A.F. Marksa. pp. 5–54.
14. Varnaeva, A.E. (2023) Russkiy yazyk o dukhovno-nravstvennykh tsennostyakh svoego naroda [The Russian language on the spiritual and moral values of its people]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 4. pp. 197–201.
15. Tolstoy, L.N. (1983) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 14. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 302–304.
16. Kocheshkova, L.E. (2005) *Khudozhestvennaya filosofiya i poetika "maloy" prozy L.N. Tolstogo v svete problemy tselostnosti (ot povesti "Kazaki" k rasskazu "Alesha Gorshok")* [Artistic philosophy and poetics of Leo Tolstoy's "small" prose through the problem of integrity (from the novel The Cossacks to the story Alyosha the Pot)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saint Petersburg.

Информация об авторах:

Романов Д.А. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы, руководитель Центра русского языка и региональных лингвистических исследований Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого (Тула, Россия). E-mail: kafrus@rambler.ru

Кучерова М.А. – ассистент кафедры русского языка и литературы Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого (Тула, Россия). E-mail: merismus@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

D.A. Romanov, Dr. Sci. (Philology), professor, Tolstoy Tula State Pedagogical University (Tula, Russian Federation). E-mail: kafrus@rambler.ru

M.A. Kucheroval, teaching assistant, Tolstoy Tula State Pedagogical University (Tula, Russian Federation). E-mail: merismus@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.03.2025;
одобрена после рецензирования 02.07.2025; принята к публикации 29.08.2025.*

*The article was submitted 23.03.2025;
approved after reviewing 02.07.2025; accepted for publication 29.08.2025.*